

§ 5. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Г. МАХМУДОВА

Ученые-востоковеды Казанского университета, в особенности с кафедры турецко-татарского языка, общались с местными учеными и учащимися из татар, находили в их среде много талантов. Так, А. К. Казем-Бек хорошо знал учащегося казанского медресе «Зенгермечити» Г. Махмудова. Медресе находился в Старой татарской слободе.

Еще будучи шакирдом (так называли учащихся медресе), Г. Махмудов отличался своими способностями, трудолюбием и скромностью. В 19 лет Г. Махмудов² в совершенстве овладел арабским, персидским и турецким языками. А. К. Казем-Бек выделял среди других учащихся Г. Махмудова как знатока восточных языков и человека с прекрасными способностями в каллиграфии. Г. Махмудов переписывал для А. К. Казем-Бека рукописи сочинений на арабском и татарском языках³. Он «обладал способностями художника-миниатюриста»⁴.

Арабская, персидская, турецкая и татарская каллиграфия в тот период для Востока составляла искусство совершенно особого рода. Имеется более 12 форм почерка, написанных арабскими буквами. Почерки настолько иногда друг от друга отличаются, что даже для больших знатоков чтение и написание в некоторых формах почерка бывает затруднительным. Поэтому разно-

---

¹ И. Н. Березин. Путешествие по Северной Персии. Казань, 1852, стр. 265.

² Махмудов занимался у известного своей ученостью (в пер. пол. XIX столетия) казанского муллы Хайбуллы хазрета. См. газету «Казанские вести», 1891 г., № 56, 10 февраля.

³ См. ж. «Совет эдэбияты». Казань, 1946, № 1, стр. 109. (на татарском языке).

⁴ Журнал «Вестник Научного Общества Татароведения». Казань, 1930, № 9—10, стр. 175.

образе и изящество различных почерков, употребляемых на Востоке, были предметом особого изучения. Г. Махмудов хорошо усвоил специальность каллиграфиста и мог не только читать, но и прекрасно писать.

Изучение этого вида искусства имело важное практическое значение. Молодые специалисты-ориенталисты, направлявшиеся на работу в Министерство иностранных дел, в консульства и миссии восточных стран должны были владеть искусством каллиграфии. Как указывает в одном из официальных документов попечитель Казанского учебного округа Мусин-Пушкин, в университете и 1-й Казанской гимназии, где восточные языки изучались с большим успехом, каллиграфия из-за отсутствия умелого каллиграфа не преподавалась¹. Такая возможность представилась только в 40-х годах XIX в., когда А. К. Казем-Бек рекомендовал молодого учащегося Махмудова², способного каллиграфа, в качестве руководителя студентов в мусульманской каллиграфии. А. К. Казем-Бек писал: «...Приобретение его принесет важную пользу не только в отношении каллиграфическом, но и в практическом, так как он хорошо знает языки татарский, арабский и имеет сведения в персидском»³.

26 декабря 1842 г. было послано отношение министру народного просвещения о допущении Махмудова к исполнению должности учителя арабской, персидской и турецко-татарской каллиграфии при университете и 1-й Казанской гимназии⁴. Лишь 23 января 1844 г. Министерство дало свое согласие допустить Махмудова «к исполнению должности учителя арабской, персидской и турецко-татарской каллиграфии при университете и 1-й Казанской гимназии с оплатой до 285 р. 92 к. сереб-

¹ ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. истфилфака, арх. 436, л. 1.

² Махмудов родился в 1824 г. в деревне Селенгур Дубьязского р-на ТАССР (быв. Казанской губернии, Мендельской волости) в семье податного (крепостного) крестьянина. В Центральном Госархиве ТАССР (фонд 977, оп. Совета, арх. № 8710) имеется «Увольнительный вид» (паспорт) на Мухамеда Галея Махмудова выданный волостным правлением 19 августа 1842 г. на один год в «разные города и селения Российской империи». В этом документе имеется даже описание внешности Г. Махмудова.

³ ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. истфилфака, арх. № 436, л. 1.

⁴ Там же.

ром в год из хозяйственных сумм университета и 1-й Казанской гимназии»¹. В этом же документе указывалось далее, «по удостоверении на опыте в способности Махмудова войти с представлением об учреждении в означенных заведениях должности учителя арабской, персидской, турецко-татарской каллиграфии, об утверждении в ней этого способного человека и о представлении ему сообразных с этим местом прав государственной службы»².

Из протокола совета Казанского университета от 14 августа 1844 г. видно, что Министерство разрешило иметь в университете и 1-й Казанской гимназии «особого учителя восточной каллиграфии с присвоением ему тех прав и преимуществ службы, какие предоставлены учителям рисования и чистописания в гимназиях»³. Таким образом, Казанский университет получил право иметь учителя каллиграфии. В связи с этим попечитель Казанского учебного округа извещает совет Казанского университета о том, что он «разрешил Махмудову исправлять должность учителя каллиграфии впредь до исключения его Правительственным Сенатом из податного состояния»⁴. 14 мая 1845 г. А. К. Казем-Бек, возглавивший кафедру турецко-татарского языка, обратился в 1-е отделение философских наук с представлением, чтобы отделение ходатайствовало «об исключении Махмудова из податного состояния и утверждении его учителем занимаемой и преподаваемой им каллиграфии»⁵.

В течение нескольких лет между Правительственным Сенатом и Казанским учебным округом шла переписка об увольнении Махмудова из податного состояния. Наконец, помощник попечителя Казанского учебного округа профессор Н. И. Лобачевский 22 июля 1849 г. уведомил совет Казанского университета, что «Махмудов указом Правительственного Сената от 18 июня 1849 г. в службе по учебной части утвержден и из податного оклада исключен»⁶. Следовательно, Махмудов был утвержден учителем

¹ ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. истфилфака, арх. № 436, л. 1.

² Там же.

³ Там же, л. 2.

⁴ Там же.

⁵ Там же, л. 3.

⁶ ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. Совета, арх. № 8710, л. 29.

восточной каллиграфии университета и I-й Казанской гимназии в 1849 г. Об этом в ЦГА ТАССР сохранился документ, подписанный ректором университета профессором Н. И. Лобачевским. В этом документе, адресованном инспектору студентов, Н. И. Лобачевский назначает Махмудову дни и часы занятий по мусульманской каллиграфии на I—IV курсах турецко-татарского и арабско-персидского отделений¹. Занятия шли на всех четырех курсах наравне с основными дисциплинами². Слушатели упражнялись в письме по следующим почеркам: насх, таалик, дивани, рейхани, шикэстэ и рика³. А. К. Казем-Бек, под непосредственным руководством которого работал Махмудов, был им доволен и особо отмечал его трудолюбие. Г. Махмудов занимался со студентами не считаясь со временем и своими небольшими средствами. Он снабжал студентов университета и учеников гимназии за свой счет необходимыми для восточной каллиграфии предметами: камышом для письма, лощеной бумагой, тушью, красками⁴. За особо добросовестное отношение к обязанностям Махмудов не раз получал благодарности и вознаграждения⁵. «Одни успехи его учеников не могут не доказывать отличного рвенья к своей обязанности, любви к своему предмету и способности к преподаванию»⁶.

Студенты университета и гимназии с увлечением за-

---

¹ Ректор Казанского университета проф. Н. И. Лобачевский пишет: «Г. Инспектор студентов! Учителю Азиатской каллиграфии Махмудову назначил я, по советам г. проф. Эрдманом, часы разных восточных языков, для обучающихся арабскому, персидскому и турецкому — по понедельникам 12 чел. в III курсе, 1 чел. в IV курсе, по средам 11 человек в 1—2 курсах, по четвергам 10 человек в 2—3 и 4 курсах, 12 человек в 1—2 курсах, по субботам 12 человек в 3 и 4 курсах. Прошу Вас покорнейше сделать свое распоряжение, чтобы уроки каллиграфии могли быть начаты с 25 февраля. Уведомите правление университета о вступлении Махмудова в должность для производства ему платы с 25 февраля 1843 г.»

² Расписание занятий за 1843—1844 гг., утвержденное МНП. ЦГА ТАССР, фонд. 977, оп. истфилфака, арх. № 442, л. 6.

³ ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. истфилфака, арх. № 625, л. 15.

⁴ ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. истфилфака, арх. № 436, л. 3.

⁵ Там же.

⁶ Донесение А. К. Казем-Бека в I-ое отд. философских наук. ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. истфилфака, арх. № 436, л. 3.

нимались каллиграфией и рисованием миниатюр. В отчетах о ходе учебных занятий в Казанском университете и гимназии не раз упоминается о том, что студенты университета и гимназии под руководством учителя каллиграфии Махмудова приготовили весьма красивые образцы восточной каллиграфии, к экзамену¹. Махмудов прекрасно владел искусством каллиграфии, был художником-миниатюристом, в чем можно убедиться по сохранившимся образцам его работ. Среди документов совета Казанского университета в ЦГА ТАСССР имеется дело № 8710 под заглавием: «О поручении татарину Махмудову преподавания в университете каллиграфии», к которому приложены образцы работ Махмудова в каллиграфии. Образцы посвящены почеркам «таалик», «насх» и «шикэстэ». Образец почерка «таалик» украшен миниатюрой, исполненной акварельными красками и золотом. Сама миниатюра, видимо, является копией с какой-нибудь редкой рукописной книги. Текст представляет отрывок (начало) персидской поэмы в стихах. Образец почерка «насх» посвящен арабскому стихотворению «Мукаджани». Образец почерка «шикэстэ» содержит персидские стихи. Следует отметить, что этот образец особенно трудно поддается чтению.

Искусство восточной каллиграфии у казанских татар изучено недостаточно. Нам неизвестны имена многих каллиграфов и миниатюристов, занимавшихся орнаментами и декоративными украшениями. Кроме каллиграфии, Г. Махмудов занимался преподаванием татарского языка и работал над методикой преподавания. В 1850 г. из-за болезни ст. учителя турецко-татарского языка Михайлова в 1-й Казанской гимназии Г. Махмудов получает эту должность с сохранением обязанностей учителя восточной каллиграфии. В 1856 г. он, выдержав испытание в университете на звание ст. учителя турецко-татарского языка гимназии, окончательно утверждается в этом звании. Одновременно он продолжает консультировать студентов Казанского университета по татарскому, турецкому и арабскому языкам. Упорно трудился над усовершенствованием своих знаний по русскому языку, изучал западно-европейские

¹ См.: В. Владимиров. Историческая записка о 1-й Казанской гимназии. Казань, 1867, ч. III, стр. 410.

языки. «Совершенствование собственной личности — вот была его задача, которую он преследовал с необыкновенной стойкостью»¹, — писал его биограф П. В. Траубенберг, хорошо знавший Г. Махмудова.

Г. Махмудов занимался и научной работой. В 1855 г. свою работу «Практическое руководство к изучению татарского языка» он представил «Восточному разряду» Казанского университета. Факультет одобрил это руководство. Одобрил его также и комитет для рассмотрения учебных руководств при департаменте. Работа была издана в 1857 г. в Казани. Рецензент этой работы И. Н. Березин писал в «Журнале Министерства народного просвещения»: «Те, которые будут иметь необходимость познакомиться с этим специальным сочинением, будут приятно изумлены, найдя в нем не только практическое руководство, но и превосходное изложение теории татарского языка или, точнее, наречия, употребленного в казанской и в смежных с нею губерниях»².

Работа состоит из 255 страниц, из них 136 стр. посвящены татарско-русскому словарю, а остальная часть — грамматике татарского языка. Г. Махмудов, знакомый с новейшими достижениями в области филологии, впервые в тюркологической науке отчетливо и правильно обработал систему татарских глаголов. При глубоком и основательном знании своего родного языка ему удалось в своей работе очистить татарский язык от элементов арабского, персидского и турецкого языков.

Для демонстрации чистоты татарского языка, употребленного Г. Махмудовым, достаточно привести отрывок из его работы, составленной им в виде диалога в разделе «Разговоры», где речь идет о национальном татарском празднике «жыен».

«— Кая барырга хэзерлэнэсен?

— Авылга жыенга барырга хэзерлэнеп йөрим...

— Жыен дигән ни нәрсә?

— Жыенның мәгънәсе: бер жиргә күп кеше жыелса, аңар жыен диләр. Дәхи дә июнь вә июль айларында авылларда жыен дигән байрәмнәр була.

¹ Газета «Казанские вести», 1891 г., февраль, № 56.

² См. ЖМНП, ч. ХСVII, 1858, СПб., стр. 56, отд. VI.

- Мине дә үзегез белән алып барыгыз.
- Яхшы, бараек.
- Бу халык кая барырга әзерләнә?
- Жыенга чыгарга.
- Ул жыен дигән дәхи ни нәрсә?
- Без жыенга килдек дәгелме?
- Юк, халык кырга чыгып, бер жиргә жыелышып тора, шуңар жыен диләр.
- Ә анда нишлиләр?
- Анда скрипкачылар скрипка уйныйлар, яшь егетләр биешәләр, жырлашалар, сатучылар пряник, жимеш вә башка вак-төяк нәрсәләр саталар. Олуг-карн¹ бер-берсен, дус-ишен күрәләр вә моның өчен бер жиргә жыелып, ике-өч сәгать торгач, таралалар.
- Анда хатын-кыз барамы?
- Ирләрдән күбрәк була. Арбада бер ир булса, өч хатын була.
- Хатын-кызлар нишлиләр?
- Кызлар кияү күзлиләр, егетләр кыз күзлиләр, хатыннар тик торалар.
- Ул жыенга һәр кеше барамы?
- Юк, муллалар вә суфи кешеләр һәм үзләре вә һәм жәмәгатьләре дә бармыйлар»².

Вот так более ста лет тому назад Г. Махмудов ясными, короткими и красивыми фразами, на чисто татарском языке, понятном широким слоям населения, передал рассказ о «жыене». Из отрывка видно, как тщательно он работал над татарским языком, как метко определял национальный характер праздника и рассказывает, кем он празднуется.

Кафедра турецко-татарского языка Казанского университета получила хорошее руководство для изучения казанского татарского наречия (языка), чего в русской литературе до того времени не было. Правда, в Казани и Тифлисе до появления труда Махмудова издавались работы И. Хальфина и Л. Будагова. Работа Л. Будагова была посвящена изучению азербайджанско-турецкого языка.

¹ Керт-коры.

² Практическое руководство к изучению татарского языка, составленное учителем 1-й Казанской гимназии Махмудовым. Казань, 1857, стр. 253—254.

Профессор И. Н. Березин в связи с появлением работы Г. Махмудова писал: «Мы чрезвычайно радуемся появлению такого основательного сочинения, как издание Махмудовым практического руководства к изучению татарского языка»¹.

В 1858—59 гг. Г. Махмудов работал над русско-татарским словарем. Однако эта работа осталась в рукописи.

Г. Махмудов занимался также переводческой деятельностью. Известны его переводы из русского и турецкого на татарский язык². Он был корректором книг, печатавшихся на татарском, арабском, персидском, турецком языках в типографии Казанского университета. В 70-х годах вместе с ориенталистом В. В. Радловым³, бывшим инспектором татарских, башкирских и киргизских школ Казанского учебного округа, он принимал участие в организации Казанской учительской школы, инспектором которой служил с 1876 до 1881 г. Он был в близких деловых отношениях с известным татарским ученым Ш. Марджани⁴, подбирал и переводил для него с русского языка на татарский литературу по истории татар и других восточных народов. Был знаком с Каюмом Насыри и Хусайном Файзахановым⁵. Таким был первый каллиграф Казанского университета, работавший на кафедре турецко-татарского языка в период ее наибольшего расцвета.

Кафедра турецко-татарского языка в 1828—1854 гг. проделала огромную работу по организации учебного процесса для подготовки кадров востоковедов, по созданию учебных пособий и учебников.

Турецко-татарская кафедра Казанского университета заложила основу русской тюркологии, ее деятель-

¹ ЖМНП, ч. ХСVII, 1856, СПб., стр. 56, ст. VI.

² Из его переводов известны следующие: 1) перевод с русского на татарский язык книги «О предохранении от погребения обмерших», 1852 г. 2) Перевод с турецкого на татарский язык книги «Мир-Зубан-Намэ», 1864 г. 3) Перевод на татарский язык «Наставления по случаю появления холеры», 1866.

³ Впоследствии известный академик-тюрколог.

⁴ Шиһабетдин Мәржани хәзрәтләренә виладәтәнә нәшер ителде. 100 ел тулу (1233—1333) мөнәсәбәтенә. Казан, «Мәгариф», 1915, 129 бит.

⁵ См. ж. «Совет әдәбияты». 1946, № 1, стр. 112, (на тат. языке).

ность способствовала созданию казанской школы тюркологов с сравнительным методом исследования, основанным на глубоком изучении источников на восточных языках. Из этой школы вышли ученые с мировым именем такие, как основатель казанской школы тюркологов А. К. Казем-Бек, его ученики И. Н. Березин, Н. И. Ильминский и др. Здесь воспитывались первые ученые из татар — Ибрагим Хальфин, Г. Махмудов и другие.

В этот период казанская школа тюркологов была не только основным центром изучения тюркологии в России, но и одним из центров тюркологии в Европе. Учебные пособия и научные труды, созданные учеными кафедры турецко-татарского языка, переводились на иностранные языки. Каталоги лекций преподаваемых дисциплин ежегодно высылались в Швецию, Францию, Данию, Германию, Англию, Португалию и др. страны.

Кафедра турецко-татарского языка также много сделала по изучению Востока. Преподаватели изучали историю, быт, культуру народов Востока, занимались переводами наиболее ценных восточных источников и литературы.